

*Марина Яковлева
(Санкт-Петербург)*

«ИЗ НИХ БЫЛ СЛАВЕН НЕ ОДИН...»: князя Юсуповы

Среди блистательных дворцов Санкт-Петербурга всеобщее внимание неизменно привлекает строгий классицистический дворец на набережной реки Мойки, принадлежавший некогда князьям Юсуповым. Юсуповы — древний и богатейший княжеский род, о каждом поколении которого еще при жизни стали складывать легенды. Захватывающие изложения этих преданий встречаются и сегодня: в прессе, на телевидении, в экскурсиях, а теперь еще и в Интернете.

Род Юсуповых известен в России с незапамятных времен. В 1563 году в Москву к Ивану Грозному пришли два сына влиятельного хана Ногайской Орды — Иль-мурза и Ибрагим-мурза. Потомки младшего брата Иль-мурзы и стали именоваться столетия спустя князьями Юсуповыми. Внук Иль-мурзы — Абдул-мурза при царе Федоре Алексеевиче принял православное крещение, получил имя Дмитрий и титул русского князя.

Сын Дмитрия — Григорий Юсупов (1676—1730) — известен в российской истории как сподвижник императора Петра Великого, один из «птенцов гнезда Петрова», как называл этих людей А. С. Пушкин. Благодаря положению своего отца Григорий Дмитриевич рос при царском дворе. С детства он состоял в стольниках, и судьба его во многом была predetermined тем, что он постоянно находился рядом с царевичем Петром Алексеевичем. Детские игры переросли во взрослую дружбу и преданность. Юсупов неизменно поддерживал Петра во всех его начинаниях. Он был участником Русско-турецкой войны 1686—1700 годов и Азовских походов 1695—1696 годов, в результате которых был взят Азов. Во время войны со шведами он получил тяже-

лое ранение, но военной службы не оставил. Юсупов выполнял и личные поручения Петра I. По просьбе царя он заведовал заготовками провианта для войска, наблюдал за постройкой судов и плотов, участвовал в розыскных комиссиях по расследованию злоупотреблений. В 1717 году князь был назначен расследовать злоупотребления князя Кольцова-Масальского, за что получил часть имений осужденного. Его подпись в числе прочих скрепляла в 1718 году приговор царевичу Алексею Петровичу. В 1719 году Григорий Дмитриевич возглавил Канцелярию военных дел. Именно при нем было положено начало огромным земельным владениям Юсуповых. В 1720 году Григорию Дмитриевичу были пожалованы конфискованные земли и имения в Рязанской, Калужской и Нижегородской губерниях. О близости Юсупова к императору говорит и тот факт, что при погребении Петра Великого Григорий Дмитриевич следовал за его гробом вместе с двумя другими самыми близкими императору людьми – А. Д. Меншиковым и Ф. М. Апраксиным.

Не удивительно, что и Екатерина I благоволила Юсупову. В день учреждения ордена Святого Александра Невского князь Юсупов стал одним из первых его кавалеров. После смерти Екатерины I Григорий Дмитриевич пользовался расположением Петра II, так как поддержал заговор против всеильного князя А. Д. Меншикова. За это он получил обширные владения Меншикова, был возведен в полковники Преображенского полка, а впоследствии стал первым членом Государственной военной коллегии.

В 1729 году указом императора Петра II Григорий Дмитриевич получил в Москве «у Харитония» великолепный дом – палаты боярина Алексея Волкова. Боярин Волков был ближайшим помощником светлейшего князя А. Д. Меншикова. После поражения Меншикова в борьбе за власть подвергся опале и его сподвижник. По приказу Петра II имущество у боярина отобрали, «понеже Алексей Волков был при князе Меншикове, явился во всех его, князя Меншикова, непорядочных и худых поступках согласник... деревни и московский двор от него отнять». Юсуповы владели домом до 1917 года. «Волковы палаты» считались их главной резиденцией в Москве. Именно в это время древний дом стал называться «Юсуповским» (современный адрес – Б. Харитоньевский переулок, дом 21). В память о близости к императорской фамилии во дворце был обустроен Тронный зал (Столовая палата) с портретами императоров Петра I и Петра II.

Женился Григорий Дмитриевич на вдове стольника И. С. Львова Анне Никитичне, урожденной Акинфовой (ум. в 1735 году). Было у них пятеро детей.

Воцарение Анны Иоанновны, имевшей немного прав на российский престол, было результатом политики группы высшей аристократии. По замыслу знати, племянница Петра Великого должна была стать императрицей на «кондициях», ограничивавших ее власть и передававших все полномочия Верховному тайному совету. По одной из версий, Григорий Дмитриевич, будучи убежденным сторонником монархии, принял участие в оппозиции аристократов, которые выступили против членов Верховного тайного совета. Он был в числе тех, кто передал императрице челобитную с просьбой уничтожить подписанные ею самой «кондиции». Эта челобитная дала возможность Анне Иоанновне нарушить данные ею ранее обязательства. Преданность Юсупова была отмечена императрицей. В день коронации Григорий Дмитриевич был пожалован в генерал-аншефы.

Умер Григорий Дмитриевич в 1730 году. В том же году была сослана в Тихвинский монастырь его дочь Прасковья. Ее ссылка до сих пор остается одной из самых загадочных страниц российской истории. Почему же вскоре после смерти Юсупова так жестоко была наказана его дочь?

Следующие поколения Юсуповых словно старались скрыть причину жестокой опалы княжны. А может быть, они и сами так и не смогли ее разгадать? Так или иначе, но вот почти все, что известно о трагической судьбе Прасковьи Григорьевны.

В 1730 году императрица Анна Иоанновна приказала начальнику тайной канцелярии А. И. Ушакову доставить княжну в царский дворец. Здесь ей был учинен допрос. «Судьба Юсуповой, — писал Д. Мордовцев в своей книге «Русские женщины нового времени. Биографические очерки из русской истории», — представляется тайною, до сих пор не разгаданною: одно ясно, что она была жертвою личного на нее неудовольствия императрицы Анны Иоанновны; но какая была вина княжны перед императрицею — это осталось известно только ей, государыне, да знаменитому Андрею Ивановичу Ушакову. <...> Она, быть может, невольно была сопричастна какой-то тайне двора, ее погубившей, хотя никому ею до могилы не выданной» [7, с. 331].

После допроса прямо из дворца Юсупову доставили в Тихвинский женский монастырь. Девушку тщательно охраняли и никого к ней не допускали. Однако в 1735 году императрице донесли, что княжна ведет себя «неподобающим образом», и Прасковью Григорьевну вновь привезли в Петербург. Здесь, в Тайной канцелярии, ее опять подвергли допросам и наказанию: в мае 1735 года непокорная княжна была пострижена в монахини под именем инокини Проклы и отправлена во Введенский монастырь. Введенский женский монастырь, упразд-

ненный при Екатерине II, был основан в 1680 году при Далматовском мужском монастыре и находился в Шадринском уезде Пермской губернии, над рекой Исеть. Он служил местом ссылки для распространителей раскола, а при Бироне туда сослались и другие лица, удаление которых признавалось необходимым. В это место и была отправлена княжна Прасковья Юсупова. Когда при Елизавете Петровне все сосланные в сибирские монастыри были возвращены, Проклу велено было все-таки оставить в Сибири. Дальше следы бывшей княжны Юсуповой теряются. Вероятно, в Сибири она и скончалась.

В чем же была вина несчастной Прасковьи Григорьевны? Вот что пишет об этом Д. Мордовцев: «В Москве, когда исчезла молодая Юсупова, говорили, что она сослана за приверженность к великой княжне Елизавете Петровне и за интригу, совместно с отцом, в пользу возведения цесаревны на престол. Передавали, что княжна была жертвою семейной интриги, что ее брат, камергер Борис Юсупов, ненавидел ее по разным причинам и, чтоб воспользоваться всем отцовским именем, искусно подготовил ссылку сестры» [7, с. 332].

«Дочь его Прасковья, — писал В. Ключевский, — бросилась к волшебству, чтоб чарами склонить к себе императрицу на милость. Дело открылось, и княжну Юсупову в 1730 г. сослали в женский Тихвинский монастырь. В 1735 г. ее взяли в Тайную канцелярию по доносу служанки и стряпчего: донесли, что она жаловалась на Анну, говорила, что было бы лучше, если б царствовала Елисавета, бранила Бирона, рассказывала, что при Петре Великом Анну и сестер ее царевнами не называли, а просто Ивановнами. За это Юсупову высекли кошками, постригли, назвали Проклою и отправили в Сибирь, в Введенский девичий монастырь (при Успенском Далматове монастыре). Там она оказалась *безчинна*, монастырское платье сбросила, Проклою не называлась; за это в 1738 г. ее высекли шелепами» [12, с. 869].

Загадочная и трагическая судьба Проклы привлекла внимание и писателя Валентина Пикуля, когда он работал над романом «Слово и дело». Правда, произведение Пикуля — не историческое исследование, а лишь плод его фантазии, и версии он выдвигает довольно занимательные, но не подтвержденные документально. Так, например, писатель предполагает, что Григорий Дмитриевич Юсупов покончил с собой, не дожидаясь репрессий Бирона (причем очень жестоким и странным образом: ударившись головой о печь в собственном доме на глазах у дочери Прасковьи). Перед смертью он передал дочери фамильный перстень, доставшийся ему от хана Едигея. С помощью этого перстня Прасковья Григорьевна якобы пыталась известить императрицу, колдую перед домом Бирона. За это и подверглась опале.

В 1886 году художник Николай Неврев, передвижник, писавший картины на сюжеты из отечественной истории, посвятил опальной Прокле свою работу «Княжна Прасковья Григорьевна Юсупова перед пострижением» (ныне – в Государственной Третьяковской галерее).

Так в какой же большой интриге, стоившей жизни его дочери, принимал участие Григорий Дмитриевич? Загадка...

Сейчас невозможно судить об истинных причинах опалы Прасковьи Григорьевны, но гонения на нее начались, по странному стечению обстоятельств, всего через несколько недель после смерти отца. Влиятельным человеком Григорий Дмитриевич оставался до самой своей кончины. И дочь была защищена от бед его именем.

Похоронили Григория Дмитриевича Юсупова в Москве в Богоявленском монастыре. На памятнике была сделана надпись о том, что он происходил «от золотого корня иногда корене Ногайских князей, многих разные порфиры носивших», и указаны не только годы жизни, но и часы и минуты: «пожил 55 лет 9 месяцев 19 дней 1 час 55 минут» [11].

Жестокая судьба сестры и в самом деле не повлияла на карьеру старшего сына Григория Дмитриевича – Бориса. Он занимал высокие государственные посты и при Анне Иоанновне, и при Елизавете Петровне. Был ли он причастен к опале сестры – неизвестно. Возможно, что та же злая молва, что оклеветала Прасковью Григорьевну, пыталась навредить и ее брату.

Просветительская деятельность Петра I оказала влияние и на судьбу Бориса Григорьевича. В 1717 году для получения образования вместе с двадцатью другими юношами из дворянских семей он был от-

Н. В. Неврев.
Княжна П. Г. Юсупова
перед пострижением

П. Э. Рокштуль
С портрета
князя Б. Г. Юсупова. Гравюра

правлен царем во Францию. Борис Юсупов обучался в Тулонском училище гардемарин, однако военным не стал. В 1730 году (год смерти отца и ссылки сестры!) Борис Григорьевич был пожалован в камергеры. В царствование же императрицы Анны Иоанновны Борис Григорьевич стал московским губернатором. Любопытно, что он продолжал занимать высокие посты и при Елизавете Петровне. В 1744 году он перебрался в Петербург, где был пожалован званием действительного тайного советника. Юсупов был директором Ладожского канала и президентом Коммерц-коллегии. С 1750 по 1759 год Борис Григорьевич был директором первого в России Сухопутного шляхетского кадетского корпуса — привилегированного учебного заведения для дворянских детей, готовившего их к военной и гражданской службе. Здесь под руководством Юсупова был создан собственный театр. Говорят, что веселая императрица Елизавета Петровна, посмотрев спектакль именно в шляхетском корпусе, решила издать закон об организации театра в России.

За безупречную службу императрица Елизавета Петровна пожаловала Борису Григорьевичу в вечное и потомственное владение казенную суконную фабрику в селе Ряшки. С этой суконной фабрики и начинаются Юсуповы-промышленники.

Я. Хоубракен
С портрета герцогини
Курляндской. Гравюра

Женился Борис Григорьевич поздно, в 38 лет, но невесту присмотрел совсем юную — 16-летнюю Ирину Михайловну Зиновьеву (1718—1788), дочь капитана бомбардирской роты. Ирина Михайловна оказалась практичной хозяйкой и заботливой матерью. У них было пятеро детей: четыре дочери и сын Николай. В 40-летнем возрасте Ирина Михайловна осталась вдовой.

Заботливая мать, она постаралась повыгоднее выдать замуж своих дочерей. И действительно, на первый взгляд, ей это удалось. Особенно хорошо, казалось, была устроена жизнь младшей дочери, Евдокии: она стала герцогиней Курляндской и Семигальской (такой официальный титул носил ее муж). Княжна Евдокия была хороша собой, образованна, мила и приветлива. Ее жаловала сама императрица Ека-

терина II. Императрица и способствовала устройству брака молодой княжны. Известно, что императоры любили устраивать чужие свадьбы: себе — на благо, молодоженам — чаще на горе. Так случилось и с княжной Юсуповой. Екатерина этим браком собиралась разрешить свои политические проблемы. Она хотела присоединения к России Курляндии, но у строптивого герцога Курляндского, сына фаворита Анны Иоанновны, были, вероятно, другие планы. Вот и решила императрица, что кроткий нрав и красота Евдокии Борисовны сделают герцога более сговорчивым. Однако случилось все не так, как планировала Екатерина. Супруги не любили друг друга, а герцог, обладая к тому же необузданным нравом, жестоко обращался с молодой женой (княжна Юсупова стала его второй женой из трех). Слухи о семейной жизни молодой герцогини дошли до Петербурга. И тогда Екатерина II, вероятно чувствуя свою вину перед Евдокией Борисовной, под предлогом присутствия на бракосочетании великого князя Павла Петровича приглашает герцогиню Курляндскую в столицу. Приехав в Петербург, Евдокия Борисовна к мужу уже не вернулась. В 1778 году герцог Петр Бирон, поняв намерения жены, пытался воздействовать на нее, оформив развод. Евдокия Борисовна опротестовала этот развод, сделав заявление, что все происходит «помимо ее желания и согласия». Биография этой несчастной женщины до конца еще не исследована (так и напрашивается параллель с ее теткой Прасковьей Григорьевной Юсуповой).

По данным «Петербургского некрополя», Евдокия Борисовна скончалась 8 июля 1780 года и была похоронена в ризнице Благовещенской церкви Александро-Невской лавры. Однако предводитель дворянства Московской губернии Михаил Измайлов в «Списке... Благородного дворянства» в июне 1787 года называет ее живущей «во оном сельце», т. е. в усадьбе Ботки (или Ботково) Клинского уезда. Эта небольшая усадьба (на 1785 год в ней значилось всего 15 дворовых крестьян мужского и 13 душ женского пола) находилась в приходе храма Живоначальной Троицы села Троицкое-Александрово и принадлежала брату Евдокии Борисовны — Николаю Борисовичу. Вот где, оказывается, спрятал свою сестру от жестокого герцога князь Юсупов. Сам он в это время находился на дипломатической службе в Сардинском королевстве.

Впрочем, как было сказано выше, биография Евдокии Борисовны требует дополнительного изучения. Не доверять «Петербургскому некрополю» у нас нет оснований, а то, что Евдокия Борисовна умерла в 1780 году, указывается и в других источниках. Например, в книге пе-

тербургских исследователей Ю. М. Пирютко и А. В. Кобака написано следующее: «В ризнице находятся семейные памятники Юсуповых, в частности там погребена герцогиня Курляндская Евдокия (рожд. Юсупова), жена П. Бирона (ум. 1780). Пристенный памятник» [9, с. 170, 176].

Можно добавить, что вмешательство императоров в устройство личной жизни членов семьи Юсуповых и их ближайших родственников на этом не закончилось. Через много лет император Павел I выступил в роли свата князя Сергея Михайловича Голицына, которому приглянулась племянница Евдокии Борисовны, дочь ее родной сестры Александры и сенатора Измайлова, названная в честь тетки. Отказать императору не посмели. Евдокия Ивановна Измайлова стала княгиней Голицыной, навсегда возненавидев весь Императорский дом. Эта незаурядная женщина — та самая «княгиня ночи», прозванная так за образ жизни, воспетая Пушкиным, прекрасная в своем гордом одиночестве.

Единственный сын Бориса Григорьевича и Ирины Михайловны Юсуповых — Николай — стал впоследствии одной из самых ярких личностей российской истории. Сохранился удивительно трогательный портрет Николая Борисовича в детском возрасте. На нас смотрит малыш лет пяти, одетый по-взрослому; рука его лежит на эфесе маленькой шпаги. Родители обожали и баловали сына. Но отец умер, когда Николаю было всего 9 лет. С этого возраста он остался единственным мужчиной в семье, помощником матери и опорой своим сестрам. Он действительно стал их заступником, несмотря на то, что был младшим в семье. Не случайно, отправляясь на учебу в Лейденский университет, первую остановку он делает в Митаве: там живет несчастная сестра Евдокия, и Николай должен сам удостовериться, справедливы ли слухи о ее семейной жизни. Узнав правду, он делает все возможное, чтобы вернуть сестру в Петербург.

Первоначальное образование Николай Борисович, вероятно, получил дома, как все мальчики его круга. С 1772 по 1774 год он служил в Коллегии иностранных дел, куда впоследствии определил и своего сына Бориса. А вот учебу по тем временам он начал довольно поздно — в 24 года. Выбор Лейденского университета не был случайным: там проходили обучение многие русские аристократы.

Именно за границей Николай Борисович пристрастился к коллекционированию. Русские аристократы в подражание своей императрице, создавшей Эрмитаж, сделали из коллекционирования предметов искусства своеобразную политику. Художественная коллекция князя

Юсупова была одной из лучших. Цени его вкус и доверяя его мнению, Екатерина II назначила его в 1791 году директором Эрмитажа. На этой должности он оставался и при Павле I до 1799 года.

О художественном собрании Николая Борисовича, о его тонком, безупречном вкусе, дружбе с монархами, художниками и поэтами написано очень много. Он был и в самом деле «звездой первой величины» (хотя слова эти сказаны не о нем, а о его невестке), природным вельможей, истинно светским человеком, еще с молодости привыкшим к придворной жизни. Князь Николай Борисович Юсупов был тем, кого мы называем «екатерининским вельможей». Этот человек словно вместил в себя целое понятие. Произносишь имя Николая Борисовича, и предстает перед нами XVIII век со всеми его достоинствами и недостатками.

Молодой XIX век вместе с молодым русским императором Александром I поначалу словно отторгал от себя блестящих вельмож Екатерины II.

В 1814 году швейцарский дипломат Фердинанд Кристин был удивлен, что в мирном договоре, подписанном в Париже, Россия не упоминается, словно это какое-то маленькое княжество. Вот что писал Кристин фрейлине В. И. Туркестановой по этому поводу: «То есть ни ее имя, ни имя ее Государя не встречаются ни разу, и она просто подразумевается под именем союзницы Венского двора. Или я не понимаю дела, или советники Его Императорского Величества сделали совершенную оплошность» [10, с. 434]. Старый дипломат был уверен, что у молодых советников царя просто не хватило опыта. Далее он писал: «Что говорит об этом князь Юсупов? <...> Почему он не служит? Это зрелая голова, он любит свое Отечество и был бы ему полезен. Но теперешняя система выдвигает вперед молодежь; вот почему делается столько безрассудств, а князь Юсупов очень может показаться слишком важным в глазах наших молодых людей. Один франт недавно говорил, что человека после сорока лет следует помещать в сарай. Это, действительно, возраст, когда в других странах люди избираются для важных дел» (письмо от 22 июня 1814 года) [Там же].

Николай Борисович обожал Екатерину II, а она вмешалась в его личную жизнь, найдя ему невесту, с которой у него не было ничего общего.

Татьяна Васильевна Энгельгардт (1769–1841) была младшей из пяти красавиц – племянниц всемогущего фаворита Екатерины II светлейшего князя Г. А. Потемкина. Не имея собственной семьи, Потемкин всячески заботился о своих многочисленных родственниках.

Особое внимание, как известно, он уделял своим племянницам — дочерям рано умершей сестры Марфы (Елены) Александровны. Василий Андреевич Энгельгардт после смерти жены написал влиятельному Потемкину письмо, в котором просил взять на себя заботу об осиротевших детях. Сам он из-за нехватки средств не мог дать им приличное воспитание. Сначала из скромного смоленского имения были привезены в Москву старшие девушки — Александра, Варвара, Екатерина и Надежда. Александре было в то время уже 20 лет. Вскоре она переехала в Петербург и стала фрейлиной и ближайшей подругой императрицы. Императрица подыскала и мужа своей наперснице (опять же руководствуясь политическими соображениями!) — польского магната, графа Франца Ксаверия Браницкого. Постоянно живя теперь в Белой Церкви, ставшей резиденцией Браницких, Александра Васильевна продолжала часто бывать в Петербурге. Останавливалась она во время своих приездов в Зимнем дворце. Когда же навязчивая дружба статс-дамы стала утомлять императрицу, она подарила бывшей подруге особняк на Мойке, купленный у Шуваловых. Понятно, что Александра Васильевна не любила этот дом: приобретя его, она потеряла дружбу Екатерины. В 1830 году Браницкая продала дом племяннику, выручив за него 250 тысяч рублей ассигнациями (сумма по тем временам немалая). С 1830 года и начинается история Юсуповского дворца, любимого княжеского дома. Сюда, на Мойку, вместе с сыном, невесткой и внуком переезжает и Татьяна Васильевна.

Когда Татьяна Энгельгардт впервые попала в Петербург, ей было всего 8 лет. Раннее детство, таким образом, совпало с расцветом карьеры знаменитого дяди. Милая, обаятельная девочка вызвала всеобщую любовь. Она стала предметом внимания многих не только как племянница вельможи, но и как очень интересная и живая собеседница. К этому времени относится знакомство Татьяны с герцогиней Кингстон, полюбившей ее как родную дочь и желавшей сделать наследницей всего своего громадного состояния. Фрейлинский шифр, который жаловали барышням с 15-летнего возраста, она получила, когда ей было всего 12 лет. Замуж Татьяну отдали в 1785 году за троюродного дядю Михаила Сергеевича Потемкина, который был старше ее на 23 года. Это был явно брак не по любви. И Татьяна, и Михаил исполняли волю всесильного родственника. Но в этом браке у каждого были еще и свои собственные выгоды. Татьяне не терпелось стать самостоятельной женщиной, а Михаилу женитьба на племяннице фаворита Екатерины II сулила продвижение по службе, получение наград и чинов. И действительно, женившись на Татьяне Васильевне, По-

темкин из мелкого помещика Смоленской губернии вскоре превратился в богатейшего вельможу, у которого были собственные дома в Петербурге, Москве, Царском Селе. Он «сделал блестящую карьеру при самом скудном образовании, граничащим с невежеством, так как он с большим трудом мог излагать свои мысли на бумаге и писал поразительно неграмотно» [4, с. 673].

Несмотря на это, брак оказался счастливым. Михаил Сергеевич был честным и надежным человеком, преданным и заботливым мужем. Татьяна Васильевна словно была создана для семейной жизни и с головой окунулась в нее. Несмотря на близость ко двору, она так и осталась провинциальной барышней, волею судеб (и дяди!) выхваченной из привычной среды и вознесенной к самой верхушке придворной элиты. Она оказалась хорошей хозяйкой, радетельной, по-крестьянски прижимистой, не склонной к светской жизни и развлечениям. Впоследствии Татьяна Васильевна стала и добродетельной матерью, самостоятельно воспитывающей своих детей, чем вызвала удивление даже у Г. Р. Державина.

Смерть в 1791 году всесильного дядюшки, вероятно, очень сильно подействовала на супругов. Михаил Сергеевич, будучи одним из самых видных членов партии сторонников Г. А. Потемкина, прекрасно понимал, что все враги фаворита были и его врагами.

Счастливым брак, отвечавший всем требованиям Татьяны Васильевны, оказался недолгим. В том же 1791 году Михаил Сергеевич погиб при весьма странных обстоятельствах. А. В. Храповицкий так и записал в своем дневнике: «Получено известие о странной смерти Михайло Сергеевича Потемкина, случившейся с 13 на 14 декабря» [3, с. 351]. Обстоятельства его смерти остались невыясненными. Ходили слухи, что карета, в которой Михаил Сергеевич переправлялся через реку, перевернулась, и он утонул. По другой версии, посланный в Яссы по служебным делам, он имел еще и личное поручение от Екатерины II привезти ей ее письма к Григорию Александровичу. Но ему не удалось этого сделать, так как, не доезжая несколько верст до Киева, он внезапно почувствовал себя плохо и скоропостижно скончался прямо в дорожной карете.

Татьяне Васильевне было тогда 24 года; она осталась с двумя детьми на руках — сыном Александром и дочерью Екатериной. Крепкой матерью дочери была сама императрица, в честь которой девочку и назвали. Смерть дяди и мужа были тяжелым ударом для Татьяны Васильевны. Она удалилась от двора и проводила время в уединении.

Через два года императрица нашла для нее нового мужа (и, конечно, у нее были свои соображения насчет этого брака!). Трудно было отыскать более несхожих людей для брака, чем Татьяна Васильевна Потемкина и Николай Борисович Юсупов. В этом — трагедия их семьи. В этом — одна из причин их разрыва. Конечно, императрица не желала зла племяннице бывшего фаворита и одному из самых своих блестящих подданных. Но ее вмешательство в личную жизнь никому не приносило счастья. В 1793 году состоялась свадьба Татьяны Потемкиной с одним из самых завидных женихов России. В качестве свадебного подарка императрица преподнесла Татьяне Васильевне дом на Английской набережной в Петербурге. Поселились же молодые супруги в особняке Николая Борисовича на Фонтанке. Здесь родились у них сыновья — Борис и Николай. Но младший сын Николай прожил совсем недолго и скончался еще в младенчестве.

Супруги были красивой парой. Он — воплощение изысканного вкуса и европейской образованности; она — милая, женственная, привлекательная. Казалось, все было в этом браке для счастья: богатство, знатность, благосклонность Императорского дома, возможность исполнения любого желания. Но не сложилось...

Князь Юсупов, безусловно, умел нравиться женщинам и знал, как добиться успеха. Почему же не постарался удержать жену? Почему не пустил в ход все свое обаяние, чтобы создать хотя бы видимость приличия, как это делали во многих семьях? Почему и сама Татьяна Васильевна, такая благодетельная мать, пошла на открытый разрыв? На эти вопросы сегодня у нас нет ответа.

Чаще всего в происшедшей семейной драме обвиняли Николая Борисовича. Ему ставили в упрек его излишнюю увлеченность женщинами. Измены ли мужа или что-то другое не могла простить Татьяна Васильевна, нам неизвестно. Только большинство воспоминаний о приключениях Николая Борисовича относятся к тому периоду жизни, когда они с женой уже жили отдельно.

Так, в Архангельском у князя были внебрачные дети от талантливой крепостной актрисы Екатерины Колосовой. Она родила ему двух сыновей — Сергея и Петра. Художник Николая де Куртейль в 1819 году изобразил их на картине «Портрет братьев Колосовых». Князь придумал им фамилию Гирейские — вероятно, в память о крымских ханах. Колосова прожила всего 20 лет, умерла в 1816 году и была похоронена в семейной усыпальнице Юсуповых в имении Спасское-Котово (там же впоследствии найдет свой вечный покой и сам Николай Борисо-

вич). Судя по тому месту, где была похоронена крепостная актриса, можно сделать вывод, что Николай Борисович был к ней очень привязан. Так же серьезно он относился и к своим детям от Колосовой. Младший сын Петр умер в семилетнем возрасте. В марте 1820 года А. Я. Булгаков написал своему брату: «Я сейчас только с обеда от Юсупова. <...>. Юсупов был нахмурен: у него умирает сынок, и теперь был консилиум у него» [9, с. 343]. Старший сын Сергей Николаевич большую часть жизни провел за границей. В 1831 году А. Я. Булгаков писал брату в Петербург: «У старика два побочных сына; один уже большой, был в службе и негодяй, говорят; другой маленький, от Колосовой танцовщицы, воспитывается в пансионе Кистера» [Там же].

«Так как Юсупов был восточного происхождения, — вспоминала другая современница Николая Борисовича Е. П. Янькова, — то и немудрено, что был он великий женолюбец» [2, с. 167]. Но Янькова Николая Борисовича не осуждала, а скорее жалела: «Если б он не был чересчур женолюб, то можно было бы сказать, что он был истинно во всех отношениях примерный и добродетельный человек, но эта слабость ему много вредила во всеобщем мнении» [Там же, с. 171]. И. А. Арсеньев, родственник М. Ю. Лермонтова по материнской линии, вспоминал: «Вообще, князь Николай Борисович Юсупов был самый страстный, самый постоянный любитель женской красоты, в разнообразнейших ее воплощениях и типах» [1, с. 77].

Но были и более резкие высказывания. Известно, что князь Юсупов слыл большим знатоком театрального искусства. Императрица Екатерина II даже назначила его директором императорских театров. Этот пост Николай Борисович занимал и при Павле I. В московском доме и в подмосковном имении Архангельском у князя были собственные театральные труппы, которым он уделял много внимания. Именно эти труппы, или «театральные капеллы», как их называли, и давали поводы для сплетен. В своих обширных мемуарах И. А. Арсеньев называет театральную капеллу Николая Борисовича «сералем». Самого мемуариста князь Юсупов никогда в свой театр не приглашал, так что его описание нравов в этой капелле не более чем пересказывание чужих сплетен. Но часто именно такие слова и формируют общественное мнение. И. А. Арсеньев пишет, что во время исполнения артистками капеллы танцев Николай Борисович подавал вдруг знак, и девушки раздевались, «что приводило в восторг стариков — любителей всего изящного» [Там же].

В 1927 году в Москве вышла книга Н. П. Кашина о театре князя Юсупова, в которой автор создал образ весьма ограниченного поме-

щика-крепостника. Правда, не такого жестокого самодура, каким предстает перед нами сын Николая Борисовича Борис в изображении В. Н. Кашина [5]. Обе публикации вышли почти одновременно. «Другие свидетельства современников, — пишет Н. П. Кашин, — не подтверждают рассказа Арсеньева. Так, А. Я. Булгаков, в общем-то относящийся к Николаю Борисовичу пристрастно, не упоминает о чем-либо подобном. <...> Николай Борисович, судя по всему, что делалось для девушек его крепостного балета, вовсе не производил впечатление сластолюбца-крепостника» [6, с. 17–18]. Тот же И. А. Арсеньев упоминает, что князь «до самой своей кончины содержал знаменитую танцовщицу Воронину-Иванову, которую в бенефис ее награждал редкими бриллиантами» [1, с. 77].

Как бы там ни было, но И. А. Арсеньев рассказывает о князе и его гостях, когда те были уже в весьма преклонном возрасте. «Я помню его, когда ему было уже лет под восемьдесят» [Там же, с. 75]. Об изменах Николая Борисовича жене, ставших достоянием света, а потому исключаящих возможность примирения, сведений не сохранилось. «Впрочем, за это нельзя его судить слишком строго, — говорила Е. П. Янькова своему внуку, — потому что он родился и был молод в такое время, когда почти и сплошь да рядом все вельможи так жилали» [2, с. 171].

«Супруги не очень ладили, — вспоминала та же Янькова, — и, хотя не были в ссоре, но разъехались и вместе не жили» [Там же, с. 168]. После разрыва дом на Фонтанке пришлось продать. Татьяна Васильевна с детьми переехала в подаренный Екатериной II особняк на Английской набережной, а Николай Борисович осенью 1810 года уехал в Москву, которая стала теперь местом его постоянного проживания. Пятнадцатого ноября 1810 года А. Я. Булгаков писал своему брату: «Я познакомился с Юсуповым, который спрашивал о тебе; он здесь поселился. Переселения из Петербурга становятся все чаще и чаще, дороговизна там страшная» [8, с. 189]. В том же 1810 году Николай Борисович купил под Москвой у князей Голицыных усадьбу Архангельское. В Петербурге он бывал теперь довольно редко.

Продолжение следует.

Список литературы

1. Арсеньев И. А. Слово живое о неживых (Из моих воспоминаний) // Исторический вестник. 1887. Т. 27. № 1, 2.
2. Благово Д. Д. Рассказы бабушки. Л., 1989.

3. *Дневник* А. В. Храповицкого. С 18 января 1782 года по 17 сентября 1793 года. М., 1901.
4. *Исторические кладбища Петербурга* / сост. А. В. Кобак, Ю. М. Пириутко. СПб., 1993.
5. *Кашин В. Н.* Консервативный сверстник декабристов // *Былое*. 1926. № 1 (35).
6. *Кашин Н. П.* Театр Н. Б. Юсупова. М., 1927.
7. *Мордовцев Д. Л.* Русские женщины нового времени. Биографические очерки из русской истории. СПб., 1874.
8. *Переписка К. Я. и А. Я. Булгаковых* // *Русский архив*. 1899. Кн. 3. № 10.
9. *Переписка К. Я. и А. Я. Булгаковых* // *Русский архив*. 1900. Кн. 3. № 9–12.
10. *Переписка Ф. Кристина и княжны В. И. Туркестановой* // *Русский архив*. 1882. Кн. 1.
11. РГАДА. Фонд 1290. Юсуповы. Оп. 2. Д. 265.
12. *Соловьев С. М.* Соч.: в 18 кн. М., 2002. Кн. 10: 1725–1740.